

Александр ШУРАЕВ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

«На войне я был четыре года, а живёт война во мне всю жизнь. Я был «по ту сторону фронта»: два года в оккупации на своей Родине и два года в Германии, в лагере для «остарбайтеров». Так чаще всего начинаются беседы о войне со студентами, школьниками, людьми старшего поколения. Мною много написано о себе на войне, о близких мне людях, о товарищах по военной судьбе – бывших узниках фашизма. Считаю своим долгом рассказывать о войне детям, студентам, взрослым. Главное – сохранение семейной памяти о войне. Призываю всех переживших войну рассказывать детям и внукам о событиях того времени, писать воспоминания. Делюсь своим опытом. Написана книга-автобиография «Листая жизни календарь» (Кемерово, 2013), изданы по моей инициативе и при активном участии три книги об узниках фашизма: «Колыбельная песня Аннушки» (Кемерово, 2001), «Вспомним всех поимённо» (2006) и «Зазвучавшие вновь голоса» (2011). В средствах массовой информации насчитывается свыше 50 моих публикаций о военной судьбе моих товарищей.

Самая обстоятельная статья – это «Моё военное детство», опубликованная в книге «Дети войны» (Кемерово, 2013). А самая эмоциональная напечатана в журнале «Огни Кузбасса» (2014. № 2). Это моя «Переписка с В. М. Песковым», знаменитым писателем-натуралистом и путешественником.

Много лет я пытаюсь осмыслить запомнившиеся события военной поры. Это пять главных этапов войны: начало войны, битва за Москву, Сталинградская битва, Орловско-Курская дуга и битва за Берлин.

1941 год. Начало войны запомнилось неоднозначным отношением жителей нашего села к сообщению о нападении немцев. Женщины плакали (голосили, как у нас называли громкий плач с причитаниями), а мужики посуровели, стали серьёзными. Ведь прошло всего 20 лет, как закончились 1-я Мировая и Гражданская войны. Ещё живы были участники этих войн, свежа боль утраты близких, не

вернувшихся с войны. А вот молодёжь, как мой брат Николай, комсомолец, и его товарищи, поспешили в военкомат, так как опасались, что война скоро закончится и им не удастся повоевать. Настолько была сильна советская пропаганда, вера в несокрушимость Красной армии. «И от тайги до британских морей Красная армия всех сильнее!».

*Мы железным конём все поля обойдём,
Соберём, и посеём, и вспашем.
Наша воля тверда,
И врагу никогда
Не гулять по республикам нашим.*

И каким горьким разочарованием было стремительное наступление немцев осенью, сдача без боя позиций, оборудованных в нашем селе, как гнали километровые колонны наших военнопленных. Полная информационная блокада. Только по поведению немцев догадываемся, что происходит на фронте. Немцы хвастаются, что через две недели возьмут Москву и война закончится. Но наступает ранняя зима в том году. Немецкие солдаты стаскивают валенки со стариков прямо на улице, с фронта на короткий отдых прибывают вшивые и обмороженные солдаты. Понимаем, что немцы Москву взять не смогли.

133 Запомнился такой эпизод: как мой отец за свои познания в истории чуть не поплатился. Зимой (декабрь 1941 – январь 1942 г.) застревает в наших сугробах легковой автомобиль с немецким офицером, полковником. То ли он вынужден был заночевать со своим адъютантом и водителем в нашей избе, то ли ожидал, когда очистят дорогу, не помню. А вот разговор отца с немцем запомнил. Переводит сестра Нина (она к началу войны окончила 1-й курс Орловского учительского института и немного знала немецкий язык). Немец стал хвастаться, что скоро они возьмут Москву. А отец ему говорит, что немцы никогда Москву не брали, а вот русские Берлин брали (в 1761 году во время Семилетней войны (1756–1763 гг.). Немец свирепеет. Орёт: «Ты не крестьянин, а комиссар!» Слава Богу, обошлось.

Сталинградская битва. Лето 1942 года. В немецких листовках пишут: «Волгу увидел германский боец – власти большевистской близок конец». Как тут не впасть в уныние. Ведь немцы на Волге, на Кавказе. Но в конце января 1943 года над комендатурой немцы вывешивают траурный флаг, а в начале февраля наши самолёты разбрасывают листовки с фотографией пленных немцев в Сталинграде. Надеемся на скорое освобождение.

Лето 1943 года. Орловско-Курская дуга. По нашему шоссе Орёл – Болхов идёт на фронт немецкая военная техника с камуфляжем жёлтого цвета (потом только мне стало понятно, что это техника, переброшенная из Африки). Целые армады немецких самолётов летят на фронт. В мае немцы сжигают наши хаты, а нас гонят на запад. С самолётов бросают листовки с угрозой расстрела с воздуха всех, кто будет двигаться на восток. Пешком гонят до станции Красный Рог, недалеко от Брянска. Здесь грузят в товарные вагоны и везут дальше – на запад. Под Брестом – распределительный лагерь. Семьи многодетные отправляют в Прибалтику на хутора, для работы у латышских крестьян, а трудоспособные семьи везут дальше. Так 1 сентября 1943 года мы всей семьёй оказываемся в Берлине, в лагере для остарбайтеров (рабочих с востока).

1943 (осень) – апрель 1945 года. Фашистская неволя. Лагерь на восточной окраине Берлина, недалеко от Трептов-парка, где теперь стоит знаменитый памятник советскому солдату-освободителю со спасённой девочкой на руках. Голод и унижение. Кажется, что я на всю жизнь пропитываюсь запахом варёной брюквы – основной пищи этих почти двух лет. «Русская свинья (да ещё и грязная). Работать. Быстрее!» – эти слова слышал постоянно изо дня в день.

Апрель 1945 года. Битва за Берлин. Ранним утром 22 апреля на территории наполовину сожжённого «катушами» лагеря появляются наши бойцы из разведки. Бросаемся к ним обниматься, а женщины – с расспросами, не встречался кто из них

с её братом, мужем... Но они командуют нам быстро убираться, так как скоро начнётся форсирование канала, на берегу которого располагается наш лагерь. Бег по улицам пригорода Берлина под перекрёстным обстрелом. Трупы немецких солдат (под гусеницами наших танков) и наших убитых солдат, прикрытые шинелями, на обочине тротуаров. Поражает мощь нашей военной техники, полное превосходство нашей авиации. И откуда же взялась вся эта мощь?

Возвращение на родину. Руины Варшавы. Полячки приносят нам белый хлеб. Гомель. Ранним утром слышим стрельбу. По привычке выбегаем из вагонов и прячемся в кюветах. А нам кричат: «Победа!». Это импровизированный салют из всех видов оружия.

В родное село из Орла пришёл пешком (30 км) 28 мая, почти через два года. Кто-то из моих односельчан успеваеет за два года построить избу, кто-то живёт в землянках. А на нашей усадьбе – пепелище, сохранился лишь погреб. Над ним сооружаем шалаш и живём в нём.

В нашей семье были участниками войны и погибли в боях: мой брат Николай Фролович Шураев (в 1942-м подо Ржевом) и брат Тамары Леонард Филиппович Субботин (в 1944 под г. Ковно, Западная Украина). Участники войны: Филипп Никанорович Субботин и Клавдия Филипповна Субботина. В музее военной истории Кузбасса хранится сочинение моего внука, тогда лицеиста, Василия Исакова о членах нашей семьи, участниках Великой Отечественной войны.

г. Кемерово

137

